

А. Б. ТАРАСОВ
**Культурология
 праведничества**

Изучая праведничество как социокультурное явление, мы неизбежно обращаемся к Ветхому Завету. Именно в книгах

Ветхого Завета раскрывается история праведников, начиная с первого человека Адама (в раю и после искупления грехопадения), его сына Авеля. Эта история продолжается Авраамом, Ноем, Лотом, многочисленными пророками, Симеоном-Богоприимцем, праведными Иоакимом и Анной (родителями Богородицы), праведным Иосифом (обручником Девы Марии).

Однако онтологическая глубина праведничества становится доступной в Новом Завете через *первообраз* праведника — Богочеловека Иисуса Христа. Между Новым Заветом и Ветхим сохранялась неразрывная связь — через праведничество. Недаром уже в ветхозаветное время царь и пророк Давид постоянно в своих псалмах обращался к Богу как Праведнику (см., например, псалмы 36, 84, 91).

Представление о христианском понимании праведничества можно почерпнуть из таких новозаветных текстов, как, например,

Евангелие от Матфея (гл. 16, ст. 22-23), Деяния апостольские (гл. 22, ст. 14), Послание апостола Павла к Римлянам (гл. 4,

ст. 10).

Вполне очевидно, что праведники и праведничество — тема филологическая. Представления о семантико-онтологическом наполнении слов «праведный», «праведник» мы получаем из текстов Священного Писания, из их анализа и восприятия в истории человечества (устных и письменных свидетельств Священного Предания, научных, художественных произведений), из изучения опыта трансформации, оспаривания, противодействия этим текстам и создания новых текстов, новых смыслов прежних понятий.

Но одновременно тексты Священного Писания являются историческими документами, отражающими определенное состояние общества. Принцип изображения событий Священной истории, соответствующий евангельской формуле «кесарю кесарево, Богу Богово», наряду с религиозно-мистическим измерением открывает и социологическое, вполне отдавая ему должное. Думается, для науки наиболее эффективным спо-

собом понимания явления праведничества может быть одновременное созерцание духовной глубины евангельских событий и исследование их филологического и социологического «покрова».

Тексты Ветхого и Нового завета, как известно, являлись основным источником творческого вдохновения как для средневековых писателей, так, по сути дела, и для авторов XVII–XX вв. А. Н. Толстой был одним из тех, кто наиболее активно использовал Священное Писание и при этом был в постоянном поиске высшей правды на земле. Поэтому, исходя из указанного выше заключения, правомерно искать адекватное понимание праведничества на пересечении филологического и социологического векторов исследования жизни и творчества Толстого. В месте такого пересечения, на наш взгляд, рождается культурология праведничества, появляется перспектива перехода научного знания в стадию «понимания» и «умения» распорядиться в реальной жизни «знанием» и «пониманием».

На первом этапе изучения праведничества через творчество Толстого важно описать социокультурный контекст, в котором жил и создавал свои произведения писатель. Следует отметить, что интерес к вопросам праведности, воплощения высоких человеческих идеалов явственно ощущается в светской культуре на протяжении всего XIX столетия. Об этом свидетельствуют, например, поэмы декабристов А. А. Бестужева «Андрей, князь Переяславский», А. И. Одоевского «Василько», В. К. Кюхельбекера «Агасфер», его же мистерия «Ижорский», творчество А. С. Пушкина («Капитанская дочка» и др. произведения), Н. В. Гоголя (например, «Мертвые души»), драматургия А. Н. Островского. Издание в 1836 г. Д. А. Эристовым и лицейским товарищем Пушкина М. А. Яковлевым «Словаря о святых, прославленных в Российской церкви, и о некоторых сподвижниках благочестия местночтимых», очевидно, актуализирует этот интерес. Одним из

вероятных объяснений активного стремления светского начала культуры к духовному представляется факт близкого общения интеллигенции с народом и Церковью во время Отечественной войны 1812 г.

Проблема героя времени, положительного человека, подвижничества, праведничества, народных идеалов оказалась в центре внимания многих деятелей литературы и искусства второй половины XIX века. Приведем высказывания некоторых из них, позволяющие выявить общий характер подхода к указанной проблеме.

Так, например, М. Е. Салтыков-Щедрин в 1885 г. высказал следующее мнение: «...народ вовсе не думает о самосовершенствовании... а просто верует. Верует в три вещи: в свой труд, в творчество природы и в то, что жизнь не есть озорство... Если жизнь испытывает его, он «прибегает», просит заступничества и делает это в той форме, какая перешла к нему от предков, то есть идет в церковь, взывает к Успенью-матушке, к Николе-батьюшке и т. д. Но это не значит, что он верует в них по существу, а верует он в собственные силы и в собственные вздыхания, которые и восстанавливают в нем бодрость»¹. Любопытно, что такое сниженное и неадекватное представление о народе высказывает талантливый писатель, тесно и много общавшийся с народом. Дело в том, что тенденция писателя («субъективная» правда) высветила одну сторону реальной действительности, оставив в тени другую. Однако Салтыков-Щедрин вольно или невольно давал представление и о существовании иной, высшей, божественной, а не просто человеческой правды. Достаточно вспомнить финал романа «Господа Головлевы» (сцены Страстной седмицы и покаяния Иудушки Головлева). Показателен и эпизод из «Истории одного города» с правдолюбом Евсеичем. «Небось, Евсеич, небось! С правдой тебе везде будет жить», — такие мудрые слова вкладывает писатель в уста далеко не глупых глуповцев. Из текста произведения понятно, что речь здесь идет

¹ Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч.: В 20 т. М., 1977. Т. 20. С. 139.

не о собственной правде Евсеича и других жителей Глухова в отстаивании своих человеческих прав, не о вере в свои силы, а о вечной, высшей, божественной правде любви и смирения.

Не менее интересны и важны для исследуемой нами темы и слова В. Г. Короленко из его часто цитируемого литературоведами письма к Н. К. Михайловскому от 31 декабря 1887 – 1 января 1888 г.: «Тогда (в 60–70-е годы — А. Т.) мы все искали «героя», и господа Омуревские и Засодимские нам этих героев давали. К сожалению, герои оказались все «аплике», ненастоящие, головные. Теперь поэтому мы, прежде всего, ищем уже не героя, а настоящего человека, не подвига, а душевного движения, хотя бы и не похвального, но зато непосредственного (в этом и есть сила, например, Чехова)»¹. Как видим, Короленко тоже снижает «планку» требований к положительному герою. Но опять-таки творческое наследие Короленко и Чехова дает нам и образы подвижников, и образы праведников (к примеру, Липа из повести Чехова «В овраге»).

Итак, заметно типологическое сходство в творчестве ряда писателей: «субъективная» правда авторов полноценно сосуществует с «объективной» правдой их текстов в пределах самих текстов. Однако же в русской литературе 1880-х годов наблюдалась очевидная тенденция к снижению образа героя времени и замене его изображением обыкновенных, «средних» людей, «праведность» и «подвижничество» которых заключается в противостоянии окружающей их неправде, в искренности и непреднамеренности их заблуждений. На их фоне положительные герои Достоевского и Лескова представляются скорее исключением из правила.

В обозначенном контексте важно осмыслить отношение современников к самому Толстому. Хорошим фактическим материалом в данном случае служат дарственные автографы на книгах и брошюрах, адресован-

ных Толстому и до сих пор хранящихся в его яснополянской библиотеке. Так, например, крестьянин И. Г. Болтышев подарил Толстому книгу со следующей надписью: «Великому Гению Мысли человеческой и носителю Правды Истинного восстановления Учения Иисуса Христа Льву Николаевичу Толстому». Еще более откровенное превозношение писателя при чтении посвящения ему от П. А. Рогозинского, автора книги «Сброшенные оковы»: «Великому писателю Земли Русской, дивному источнику правды — графу Льву Николаевичу Толстому».

Всем известно и отношение А. П. Чехова к жизни и творчеству Толстого — если умрет великий писатель, то все «пойдет к черту» и не будет у людей нравственной опоры. Любопытно отметить, что некоторые представители интеллигенции (к примеру, К. И. Чуковский) подобным образом воспринимали самого Чехова.

И все же в XIX столетии господствующее представление о праведниках и праведничестве находилось в русле православной традиции. Во времена Толстого оно отразилось в *духовной культуре* через публикации многочисленных святоотеческих творений («Добротолюбие» и т. п.), в издании житий древних и современных подвижников благочестия, а также сочинений иерархов Церкви и богословов XIX в. (святителей Игнатия Брянчанинова, Филарета Дроздова, Феофана Говорова, Макария Булгакова и др.). Это господствующее представление проявлялось и в словарях, например, в светском по характеру «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля и в церковном издании «Полного церковно-славянского словаря» протоиерея Г. Дьяченко. Так, у Даля читаем: «*Праведный*, оправданный житием, правдивый на деле, безгрешный... *Праведник*, *-ница*, праведно живущий; во всем по закону Божью поступающий, безгрешник... *-ничество*, состоянье праведника, спасенье»². А священник Г. Дьяченко дает следу-

¹ Короленко В. Г. Собр. соч.: В 10 т. М., 1956. Т. 10. С. 81–82.

² Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1982. Т. 3. С. 380.

ющее толкование слова «праведный»: «Праведным Св. Церковь называет преимущественно святых угодников Божиих Ветхого завета. Таковы, напр., Авраам, Лот, Иов и др. Впрочем, Св. Церковь называет праведными некоторых и новозаветных святых, именно тех, кои, подобно ветхозаветным праведникам, живя в мире и исполняя обязанности государственные, общественные и семейные, при всех переменах жизни своей поступали по оправданиям закона Божия и пребыли верны Богу»¹.

Размышляя над творчеством Толстого, необходимо учитывать, что православные идеалы оставались единственно приемлемыми для значительного большинства русских людей 1880–1900-х годов. Другое дело, что документальные свидетельства, подтверждающие этот факт, еще и по сей день не стали достоянием массового читателя, а поэтому не могут существенно влиять на подлинно научное освещение истории русской культуры XIX века.

И все же некоторые издания последних лет позволяют надеяться на лучшее. Среди таких изданий особенно выделяются книга митрополита Вениамина (Федченкова) «Божьи люди» и многотомный труд игумена Дамаскина (Орловского) «Мученики, исповедники и подвижники благочестия Российской Православной Церкви XX столетия», где даются целые галереи образов праведников XIX – начала XX веков. Мы узнаем, что праведничество осмыслялось как подвиг православной веры и благочестия, совершенно не отделимый от служения Церкви (независимо от того, имеет ли человек священный сан или является простым мирянином), как высший образ подвижничества.

Подобное понимание находило и конкретные словесные формы выражения и фиксации. Так, в 1907 г. вышла книга известного духовного писателя Е. Поселянина под названием «Праведник нашего времени оптинский старец Амвросий. Жизнь его и подви-

ги». А самого известного молитвенника и подвижника благочестия из среды белого духовенства рубежа XIX–XX веков о. Иоанна Кронштадтского еще при жизни называли «праведный».

Как известно, именно о. Амвросий и о. Иоанн Кронштадтский вызывали особое неудовольствие и раздражение Толстого (а также Лескова и многих других представителей светской интеллигенции). В свою очередь, эти святые с заметной настойчивостью предостерегали современников воздержаться от следования толстовскому религиозному учению, что наводило на мысль о противоположности «субъективной» правды Толстого христианству.

Среди многих церковных людей разных сословий XIX – начала XX вв. бытовало такое мнение: Толстой — воплощение всяческой неправды, ненавистник Церкви и враг христианства. А некоторая часть нецерковной или околоцерковной интеллигенции обвиняла писателя в измене интеллигенции и ее идеалам. Как видим, в русском обществе толстовского времени сосуществовало несколько основных представлений о высшей жизненной правде. И те, кто придерживался этих представлений, весьма активно реагировали на все, связанное с Толстым, и пытались судить или обсуждать его со своих позиций.

Как мы видели, понимание высшей жизненной правды может как опираться на господствующие в обществе представления (духовного или светского порядка), так и отталкиваться от них. Поэтому применительно к социокультурной ситуации в России XIX в. предлагается различать следующие виды понимания слова-термина «праведник»:

— *церковно-правовое* (святые, прославившиеся добродетельной жизнью в миру);

— *церковно-бытовое* (неканонизированные или местночтимые святые или просто особо благочестивые и богоугодные люди, о чудесах и подвигах которых фактически нет никаких свидетельств);

¹ Дьяченко Г., протоиерей. Полный церковнославянский словарь. М., 1993. С. 472–473.

—*светско-философское* (реализующееся в различных философских системах и теориях);

—*светско-бытовое*, или *социально-групповое* (например, представления о праведничестве у столичной или провинциальной интеллигенции, у ремесленников, рабочих или крестьян);

—*художественное* (отраженное в творчестве писателей, художников, музыкантов,

в нашем конкретном случае — в произведениях Л. Н. Толстого).

Художественная реализация тех или иных концепций праведничества — это всегда сфера культурологии, место наиболее тесного взаимодействия социокультурного контекста, авторского сознания и собственно художественного текста, разделение которых умножает возможности неадекватных толкований.